

«БЫХОВСКОЕ СИДЕНИЕ» ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА

Н.В. Шевцов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Конец августа 1917 г. был отмечен драматическим событием, которое во многом повлияло на будущее Российского государства – предпринятой Ставкой Верховного главнокомандующего попыткой направить в Петроград войска в целях установления военного порядка в столице («Корниловский мятеж»). Выступление Л.Г. Корнилова оказалось неудачным. Его вместе с ближайшими соратниками арестовали и отправили в расположенный неподалеку от Могилёва, где находилась Ставка, небольшой белорусский городок Старый Быхов. Генералов Л.Г. Корнилова, А.И. Деникина, А.С. Лукомского, С.Л. Маркова и других видных деятелей Белого движения в скором времени поместили в превращённое в тюрьму здание женской гимназии. Там они находились примерно полтора месяца, а вскоре после октябрьских событий 1918 г. покинули её, отправившись на Дон. «Корниловскому мятежу» посвящено немало книг и научных статей, однако о пребывании отстранённых от командования военачальников в тюрьме написано крайне мало. Подробнее всех о нём писал, пожалуй, только А.И. Деникин в труде «Очерки русской смуты». Скудность источников о «быховском сидении» Корнилова и его единомышленников можно объяснить тремя причинами. Во-первых, Корнилов и его соратники находились в Быхове в изоляции и не могли общаться со своим недавним окружением. Не имели к ним доступа и журналисты. Во-вторых, срок пребывания Корнилова в Быхове оказался крайне коротким. Наконец, те, кто могли бы оставить интересные воспоминания, например, Л.Г. Корнилов или С.Л. Марков, менее чем через год погибли на фронтах гражданской войны.

Решив отчасти восполнить пробел в историографии «быховского сидения», автор статьи побывал в городе Быхове (ныне Могилёвская область Беларуси) и попытался найти свидетельства пребывания в нём участников выступления Л.Г. Корнилова. Он посетил здание бывшей женской гимназии, где ныне разместился быховский лесхоз, сотрудники которого создали небольшую музейную экспозицию. При подготовке статьи использовались беседы с директором исторического музея Быхова, а также с проживавшим в Брюсселе Л.А. Корниловым–Шапроном дю Лорре – внуком прославленного генерала, который рассказал немало интересного о событиях конца августа 1917 г.

Ключевые слова: выступление Корнилова, Ставка, Верховный главнокомандующий, Старый Быхов, А.Ф.Керенский, Днепр, Белое движение, А.И.Деникин, Могилёв, Быховские сидельцы, устная история.

УДК 94

Поступила в редакцию 01.09.2017 г.

Принята к публикации 01.11.2017 г.

К числу важнейших событий, предшествовавших Октябрьской революции в России, относится предпринятая в конце августа 1917 г. Ставкой Верховного главнокомандующего попытка установления в Петрограде военного порядка, названная в советское время «Корниловским мятежом» или «Корниловщиной».

Отстранив от руководства войсками Корнилова, Деникина и других опытных военачальников, Керенский взял на себя обязанности Верховного главнокомандующего, повторив тем самым ту же ошибку, что и в 1915 г. Николай II. Теперь все неудачи на фронтах приписывались непосредственно главе Временного правительства.

Но главный просчёт Керенского заключался в том, что, расправившись с генералами, он по сути дела срубил сук, на котором сидел. Обвинив Л.Г. Корнилова в предательстве, глава Временного правительства лишился опоры в той части армейских сил, которые могли бы поддержать его в борьбе с вооружёнными массами, оказавшимися под влиянием большевистской пропаганды. Он оставил возглавляемое им правительство без военной поддержки, тем самым предопределив его свержение. После подавления «Корниловского мятежа», им же самим инспирированного, он мог рассчитывать лишь на сомнительную поддержку колеблющихся масс: солдат, матросов, младшего офицерского состава, а также гражданского населения. В этой среде после ареста Корнилова стала стремительно расти популярность большевиков. В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий и другие большевистские лидеры, которые с самого начала объявили себя противниками Временного правительства и всего высшего армейского руководства, в глазах народных масс не были скомпрометированы сотрудничеством с властью в Петрограде, а потому рассматривались простыми людьми как защитники демократии, противники военной диктатуры и даже как спасители революции и Отечества. Своей главной целью большевики провозгласили установление другой диктатуры – пролетарской. На заседании Центрального Комитета РСДРП (б), состоявшемся 16 октября 1917 г. по старому стилю, В.И. Ленин сформулировал два варианта исхода событий: «Положение ясное: либо диктатура корниловская, либо диктатура пролетариата и беднейших слоёв крестьянства» [7, с. 394]. Расправившись с Корниловым, по сути дела, предав его, Керенский оказал неопределимую помощь большевистскому руководству. Сравнивая обстановку 3–4 июля с предреволюционными событиями октября 1917 г., Ленин писал: «Не было тогда всенародного революционного подъёма, теперь он есть после Корниловщины» [7, с. 243].

Поход на Петроград начался по инициативе А.Ф. Керенского. Через своего эмиссара Б.В. Савинкова, прибывшего в Ставку 23 августа, он передал просьбу отправить в Петроград 3-й конный корпус генерала А.М. Крымова. Но когда войска двинулись в столицу, А.Ф. Керенский поспешил отречься от своих указаний. Он испугался, что Корнилов может занять его место и сделал всё возможное, чтобы избавиться от казавшегося ему опасным конкурента. Глава Времен-

ного правительства всю ответственность за выступление войск на Петроград возложил на Верховного главнокомандующего. Л.Г. Корнилов в период «мятежа» находился в Могилёве, поскольку, как Верховный главнокомандующий в тот критический момент, после взятия немцами Риги, не мог, не имел права покинуть Ставку.

Движение войск на Петроград оказалось полной неожиданностью для тех же большевиков. В письме Центральному Комитету РСДРП о тактике партии в связи с корниловским выступлением В.И. Ленин отмечал: «Восстание Корнилова есть крайне неожиданный (в такой момент и в такой форме неожиданный) и прямо-таки крутой поворот событий» [7, с.119]. В то же время он призывал использовать борьбу с Корниловым в целях свержения Временного правительства: «И агитировать надо сию минуту, не столько прямо против Керенского, сколько косвенно, против него же, но косвенно: требуя активной и, активнейшей, истинно революционной войны с Корниловым» [7, с.121].

Событиям, связанным с выступлением Л.Г. Корнилова, посвящены многочисленные исследования отечественных и зарубежных авторов. Некоторые из них рассуждают о том, смог бы Корнилов, в случае своего успеха, предотвратить победу революции в октябре 1917 г. Значительно меньше публикаций о кратком периоде между подавлением «мятежа» и появлением Корнилова и его соратников в донских степях. Сохранилось крайне мало воспоминаний очевидцев. Наиболее полные свидетельства нахождения арестованных в быховской тюрьме обнаруживаются в воспоминаниях А.И. Деникина «Очерки русской смуты» [3].

Решив отчасти восполнить пробел в изучении этой страницы отечественной истории, автор статьи посетил город Быхов, где попытался обнаружить следы пребывания арестованных военных. Ему удалось побывать в здании тюрьмы, размещавшейся в бывшей женской гимназии.

Кроме того, в данной статье использованы записи бесед с научными сотрудниками быховского музея, рассказавшими об истории здания. Обращение к такого рода источникам соответствует методу устной истории, предусматривающему, наряду с изучением архивных документов, анализ информации, полученной в ходе встреч с людьми, чьи рассказы имеют прямое отношение к изучаемым событиям минувших лет.

Несколькими годами ранее, работая в Брюсселе, автор статьи неоднократно встречался с проживавшим в этом городе Л.А. Корниловым-Шапрон дю Лорре – внуком легендарного генерала, который сообщил немало интересных фактов, связанных с Корниловским выступлением. Лавр Алексеевич рассказывал, что располагает убедительными доказательствами того, что Керенский собирался приехать в Ставку с целью возглавить поход на Петроград. Его ждали в Могилёве. Внук Корнилова ссылался на семейные хроники, в соответствии с которыми его мать, дочь Корнилова, крайне огорчилась, узнав о предполагаемом приезде А.Ф. Керенского, поскольку должна была уступить ему в Ставке свою комнату. «Корнилова арестовали за то, – рассказывал его внук, – что он

отдал войскам приказ идти на Петроград, предварительно согласовав его с Керенским» [11, с. 108].

В ночь со 2 на 3 сентября Л.Г. Корнилов и другие арестованные были помещены в гостинице «Метрополь», считавшейся лучшей в Могилёве. Их охраняли верные Корнилову текинцы – отряд воинов добровольческого Текинского конного полка Закаспийской казачьей бригады, отличившегося во время Первой мировой войны. Их присутствие гарантировало безопасность находившихся в гостинице генералов и офицеров. Тем временем в Бердичеве арестовали поддерживавшего Корнилова главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерал-лейтенанта А.И. Деникина, его начальника штаба С.Л. Маркова, а также ещё несколько генералов.

Л.Г. Корнилов был крайне популярен в войсках, поэтому Временное правительство не без оснований опасалось, что присутствие бывшего главнокомандующего в Могилёве, где находилась его Ставка, может вызвать нежелательные волнения среди сочувствующих генералу солдат и офицеров. Поэтому Корнилова и ещё нескольких его соратников 11 сентября 1917 г. перевезли на поезде из Могилёва в расположенный примерно в 60 километрах Старый Быхов – городок, затерявшийся среди бескрайних белорусских лесов. Он, как и Могилёв, стоит на Днепре, но ниже по течению. Доставленных разместили в здании женской гимназии в основном по два или три человека в каждой комнате. Отдельные комнаты получили только Л.Г. Корнилов и А.С. Лукомский.

Арестованные, в соответствии с установленным режимом пребывания, значительную часть времени проводили на свежем воздухе, во внутреннем дворе, который примыкал к несохранившемуся костёлу, и в саду. Прогулки по городу или вдоль берега Днепра не разрешались. «День в тюрьме, – писал Деникин, – начинался в 8 час. утра. После чая – прогулка и посещение нас близкими». Все обедали за общим столом, иногда в присутствии Корнилова, который «предпочитал столоваться в своей камере и по несколько дней не выходил на прогулку» [3, с. 86].

Внутреннюю охрану тюрьмы несли текинцы. Их посты установили на обоих этажах дома. Снаружи за арестованными следили солдаты и офицеры Георгиевского батальона.

Содержавшихся в бывшей женской гимназии Деникин называет «быховцами», «узниками», «арестованными». В то же время он пишет, что «создавалось такое впечатление, будто всем было очень неловко играть роль наших “тюремщиков”». Не случайно «быховские узники пользовались полной внутренней автономией в пределах стен тюрьмы» [3, с. 86].

28 сентября к уже находившимся в тюрьме присоединились А.И. Деникин и другие члены т.н. «бердичевской группы». Деникин и Марков поселились в комнате Романовского. И всё же они находились в изоляции. Их не посещали ни политики, ещё недавно восхищавшиеся Корниловым, ни военные. «Из числа политических деятелей, так или иначе причастных к корниловскому движению,

не был никто», – писал А.И. Деникин. Вчерашние единомышленники бывшего главнокомандующего, боясь скомпрометировать себя, не вступали в контакты с корниловцами. Так что предательство продолжилось и после мятежа. Арестованных навещали родственники, получавшие специальные разрешения.

Подробности о происходившем в России быховские сидельцы узнавали из газет, которые покупал в Могилёве Хаджиев – адъютант Корнилова. Хаджиев оставил интересные воспоминания о генерале, которые вышли в 1929 г. в Белграде [10]. Они назывались «Великий Бояр», что в переводе с туркменского означает «Великий Бог». Так текинцы называли обожаемого ими Корнилова. Но в тех же газетах, в особенности в левых, регулярно появлялись как скрытые, так и достаточно откровенные призывы к суровому наказанию содержащихся в быховской тюрьме генералов, офицеров и гражданских лиц.

Чтобы убить время, да и сохранить физическую форму, арестованные занимались гимнастикой, играли в городки, устраивали борцовские схватки. Но эти забавы не могли помешать им всё чаще задумываться как о своей дальнейшей судьбе, так и о будущем России, которое представлялось им весьма тревожным. Ещё свежи были воспоминания о событиях, приведших к их аресту.

«Но тем не менее, полтора месяца пребывания в Быховской тюрьме, близкое общение, совместные переживания, общая опасность и общие надежды оставили после себя живой след и добрую память» [3, с. 86]. Семеро из быховских сидельцев впоследствии погибли, преимущественно на фронтах гражданской войны.

А.И. Деникин сообщает, что именно в Быхове у находившихся там генералов созрел план дальнейших действий: «...в результате работы небольшой комиссии при моём участии появилась утверждённая Корниловым так называемая “корниловская программа”» [3, с. 98].

План, в частности, предусматривал восстановление в России законной власти, продолжение войны с союзниками. В целом программа легла в основу теоретического обоснования формирования Белого движения и его борьбы с советской властью. Вот её положения:

- 1) Установление правительственной власти, совершенно независимой от всяких безответственных организаций, впредь до Учредительного собрания.
- 2) Установление на местах органов власти и суда, независимых от самочинных организаций.
- 3) Война в полном единении с союзниками до заключения скорейшего мира, обеспечивающего достояние и жизненные интересы России.
- 4) Создание боеспособной армии и организованного тыла – без политики, без вмешательства комитетов и комиссаров и с твёрдой дисциплиной.
- 5) Обеспечение жизнедеятельности страны и армии путём упорядочения транспорта и восстановления продуктивности работы фабрик и заводов; упорядочение продовольственного дела привлечением к нему кооперативов и торгового аппарата, регулируемых правительством.

б) Разрешение основных государственных, национальных и социальных вопросов откладывается до Учредительного собрания» [3, с. 98].

Итак, спустя сто лет после ареста Корнилова автор статьи решил побывать в Быхове, надеясь найти свидетельства пребывания там руководителей «Корниловского мятежа». Добирался до города из соседнего районного центра Богачёва. Ехал на автомобиле несколько десятков километров, и на пути встретила лишь одна деревня, со всех сторон окружённая глухими лесами. Вот когда начинаешь понимать, что Беларусь – это страна лесов. Подъехал к селению Новый Быхов. От него совсем недалеко и до Быхова, в старину называвшегося Старым Быховым. Сюда, в глухой городок, 12 сентября 1917 г. и перевели руководителей «мятежа». Автор статьи стремился найти здание бывшей женской гимназии, куда поместили тех, кого впоследствии назвали «быховскими сидельцами».

Решил начать поиск с посещения местного краеведческого музея, разместившегося, как удалось заранее выяснить, в здании бывшей гимназии. В музее удалось встретиться с его директором С.Ф. Жигилином – выпускником исторического факультета Могилёвского университета, сообщившим, что в музее действительно ранее находилась гимназия, но только мужская. А Л.Г. Корнилова и его сподвижников поместили в женскую гимназию, которая располагалась на окраине города, у берега Днепра. Как удалось выяснить из дальнейшей беседы, до того, как стать гимназией, здание служило жильём для монахов католического монастыря, переставшего существовать на рубеже XVIII–XIX вв.

Чтобы придать своему рассказу большую предметность, директор подвёл к макету Старого Быхова. «Вот здесь, – сказал он, – при въезде в город со стороны Днепра по одну сторону дороги стоял замок, – и указал на изготовленные, судя по всему, из папье-маше, крошечные строения средневековой цитадели. – А напротив замка находился монастырь с главной доминантой – костёлом». Остатки замка сохранились. Костёл был разрушен в годы советской власти. Из монастырских построек уцелели только двухэтажные кельи, которые после упразднения обители ещё до революции использовались под гимназию. Делу просвещения это здание стало служить и после окончания Великой Отечественной войны – здесь устроили школу. Но старый дом ветшал, а средства на ремонт, не говоря уже о серьёзной реставрации, не выделялись. Несколько лет он пустовал. Бывшей гимназии угрожала участь костёла, если бы не вмешался районный лесхоз – организация в быховском краю весьма влиятельная, а главное, денежная. Лесхоз спас здание гимназии, сохранив тем самым наглядное свидетельство знаменитого «быховского сидения». Будучи рачительными хозяевами, лесхозники, вложив деньги в реставрацию здания, решили разместиться в нём. Так бывшая женская гимназия в 2013 г. превратилась в правление Быховского лесхоза.

Но память о событиях осени 1917 г. новые хозяева решили сохранить, в чём автору статьи самому пришлось убедиться, когда он оказался возле здания лесхоза. Но прежде чем отправиться туда вместе с директором быховского историко-краеведческого музея, я внимательно осмотрел экспозицию, с особым

интересом ознакомившись со стендом, посвящённом «быховскому сидению». Он привлекает внимание растяжкой с лозунгом «Вся власть Учредительному собранию!». Экспозиция занимает нишу площадью в несколько квадратных метров. Но и для её создания, как рассказал директор музея, потребовались колоссальные усилия. «Мы не располагали ни документами, ни подлинными предметами, имевшими отношение к происходившему в Быхове в сентябре – ноябре 1917 г. Через интернет нашли фотографии, на которых изображен вместе с А.И. Деникиным находившийся в Быхове Л.Г. Корнилов. Ещё можно увидеть фотографии А.С. Лукомского, И.П. Романовского, а также бывшего депутата I-й Государственной думы А.Ф. Аладина, к которому в шутку обращались «сэр», поскольку он носил английскую военную форму и старался быть похожим на англичанина. Есть также групповой снимок 21 арестованного.

Кроме снимков генералов и офицеров, в экспозиции музея представлена копия приказа Временного правительства о подавлении мятежа. Среди музейных предметов привлекают внимание печка-буржуйка начала XX в., столик того же времени, на котором стоит бутылка из-под выпускавшегося в Могилёве пива «Яник», а также изъеденный червями походный деревянный офицерский сундучок. Здесь же копии георгиевских лент и крестов, поскольку музей не располагает средствами для приобретения подлинных наград.

Простившись с гостеприимным директором и сев в машину, автор статьи уже через пять минут, миновав несколько кварталов небольшого, но очень уютного и чистенького Быхова, что, впрочем, характерно для всех больших и малых городов Беларуси, подъехал к жёлтого цвета зданию. На его главном, обращённом в сторону города фасаде, красовались зелёные буквы «Лесхоз». Итак, я оказался у цели, но сначала не решался вплотную приблизиться к ней. В памяти хорошо сохранились напутственные слова директора музея, который предупредил, что мне самому придётся договариваться с начальством лесхоза о возможности осмотреть здание и, в частности, побывать в комнате на втором этаже, которую занимал Л.Г. Корнилов. В нерешительности открыл калитку ограды и подошёл к подъезду, возле которого висела памятная доска со словами: «В этом здании осенью 1917 года властями Временного правительства содержались под стражей "Быховские узники" во главе с генералом Л.Г. Корниловым».

Да, в лесхозе Быхова дорожат историей России и сохраняют память о ней. Открыл наружную дверь и в тамбуре увидел экспозицию с посвящёнными «быховскому сидению» фотографиями – примерно такими же, как в городском музее. Поднялся на второй этаж и, набравшись смелости, вошёл в приемную директора лесхоза. Вручив находившейся там сотруднице визитную карточку, сказал, что я, преподаватель МГИМО, специально приехал в Быхов, чтобы написать статью о пребывании здесь сто лет назад Л.Г. Корнилова и других будущих лидеров Белого движения. «Мы полностью в вашем распоряжении, готовы помочь чем сможем, – услышал в ответ приветливые слова. – А кстати, вот и директор». Вновь представился, рискнув попросить разрешения осмотреть ком-

нату Корнилова. «Нет проблем, – сказал директор, – это же наша общая история. Вас сейчас проводят».

На двери висела табличка: «Планово-экономический отдел». Вошёл в квадратную комнату с четырьмя окнами. Два окна смотрели на сверкавший вдали Днепр, ещё два – на мрачные развалины замка. Вспомнились свидетельства очевидцев о том, что из окон этого дома можно было увидеть гулявших в саду гимназисток. Теперь их нет. А на месте сада, где они отдыхали, разбит сквер с изящным фонтаном белого цвета.

События октября 1917 г., в результате которых к власти пришли большевики, в корне изменили положение «быховских узников». Прежде всего, утратило юридическую силу главное обвинение в мятеже против правительства А.Ф. Керенского, которое оказалось свергнутым. «В связи с падением Временного правительства, – писал А.И. Деникин, юридическое положение Быховцев становилось совершенно неопределённым...» [3, с. 142].

Корнилов не спешил покидать Быхов. Генерал не без основания опасался, что его отъезд может быть воспринят как бегство, что крайне отрицательно скажется на настроениях в войсках и повлечёт за собой дальнейшие неудачи на фронтах. Для Л.Г. Корнилова, который ещё недавно был Верховным главнокомандующим, это было недопустимо. К тому же Быхов находился совсем близко от ставки в Могилёве. Корнилов мог за считанные часы оказаться там и вновь возглавить войска, среди которых он по-прежнему пользовался популярностью.

Тем временем, 1 ноября после бегства А.Ф. Керенского из Петрограда Верховным главнокомандующим стал генерал Н.Н. Духонин, до этого занимавший пост начальника штаба Ставки. Но Духонин медлил с принятием кардинальных действий. Он так и не решился выступить против новой власти, формально оставаясь в подчинении большевистского правительства.

Л.Г. Корнилов через своего уже упоминавшегося адъютанта Хаджиева поддерживал регулярные контакты с Могилёвом. Чуть ли не каждый день Хаджиев утром отправлялся в Могилёв для выполнения поручений своего начальника, а вечером возвращался обратно.

С наступлением октября количество арестованных в Быхове стало резко сокращаться. К началу ноября в городе оставались пять генералов: Л.Г. Корнилов, А.И. Деникин, А.С. Лукомский, И.П. Романовский и С.Л. Марков [9, с. 266]. Они могли выехать из Быхова только с разрешения Духонина, а тот не решался освободить их, так как опасался обвинений в предательстве.

Их судьбы сложились по-разному. Лавр Георгиевич Корнилов, став главнокомандующим белогвардейских войск, погиб при штурме Екатеринодара 31 августа 1918 г. в возрасте 48 лет.

Антон Иванович Деникин после гибели Корнилова возглавил Белое движение на юге России. В апреле 1920 г. он передал командование генералу П.Н. Врангелю, а сам, навсегда оставив Россию, отправился в Англию, а затем переехал в

Бельгию, где начал писать свой труд «Очерки русской смуты». Вторая мировая война застала его во Франции, где он категорически отказался сотрудничать с фашистами. Умер в США в 1947 г. В 2005 г. его прах был перезахоронен на Донском кладбище в Москве.

Генерал-лейтенант Александр Сергеевич Лукомский, в июне–августе 1917 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего, после Быхова оказался в Новочеркасске, где принял участие в формировании Добровольческой армии. С июля 1919 по январь 1920 гг. возглавлял правительство Юга России – Особое совещание. В марте 1920 г. навсегда покинул Россию. Умер в 1939 г. в Париже.

Генерал-лейтенант Сергей Леонидович Марков, занимавший должность начальника штаба Юго-Западного фронта, покинув Быхов, отправился на Дон. С июня 1918 г. командовал 1-й пехотной дивизией. 12 июня того же года он пал в бою.

Иван Павлович Романовский считался в Ставке первым помощником Л.Г. Корнилова и из всех генералов пользовался, пожалуй, наибольшим доверием главнокомандующего. Он был одним из руководителей Белого движения на юге России. 5 апреля 1920 г. его убил во время церковной службы в русской посольской церкви в Стамбуле один из белогвардейских офицеров. Он мстил генералу за сдачу Новороссийска, в результате которой в плену у красных оказались более 10 тыс. белогвардейских офицеров.

Первоначально Л.Г. Корнилов точно не знал, куда направить свой путь из Быхова – в Сибирь или Туркестан, а, может быть, в Персию. Но после того как стало известно о появлении на Дону многочисленных противников советской власти, среди которых стали формироваться вооружённые отряды, его выбор пал на южные степи. Решимость отправиться туда дополнительно окрепла после того, как в ноябре 1917 г. в Новочеркасск прибыл генерал М.В. Алексеев. Корнилов решил отправиться туда во главе охранявших его текинцев, которые были особенно преданны ему.

Решили уходить на Дон, ибо «вера в казачество была сильна по-прежнему» [3, с. 101]. К тому же находившиеся в Быхове генералы и офицеры поддерживали постоянные контакты с Советом казачьих войск, который заверял, что Дон выступит на стороне корниловцев. Но, как писал А.И. Деникин, тот же Совет казачьих войск, равно «как и вся казачья старшина», не чувствовали, что «оторваны от казачьей массы и давно уже не держат в своих руках её реальной силы – войска...» [3].

С самых первых дней после захвата власти большевиками Корнилов выступил в качестве её решительного противника. Уже 1 ноября он направил генералу Духонину письмо, в котором предупреждал о серьёзных последствиях возможного захвата Ставки большевиками. Он предлагал превратить её в центр сопротивления новой власти, переведя в район Могилёва верные Ставке войска [9, с. 264].

Наконец, Корнилов решил оставить Быхов и во главе преданного ему Те-

кинского полка отправиться на Дон. Генерал доверял текинцам, ведь он долгое время служил в Туркестане и прекрасно говорил по-туркестански. Текинцы же плохо изъяснялись и понимали по-русски и, как считал Корнилов, не подвергались воздействию красной агитации.

Деникин в разговоре с Корниловым просил его повременить, всё ещё надеясь, что Ставку в Могилёве удастся превратить в центр сопротивления новой власти.

Вот как описывает А.И. Деникин встречу с Л.Г. Корниловым в «Очерках русской смуты»: «Я пошёл к Верховному.

– Лавр Георгиевич! Вы знаете наш взгляд, что без крайней необходимости нам уходить отсюда нельзя. Вы решили иначе. Ваше приказание мы исполним беспрекословно, но просим предупредить по крайней мере дня за два.

– Хорошо, Антон Иванович, повременим» [3, с. 143].

Надеждам Деникина не суждено было сбыться. Находившиеся в Могилёве войска не скрывали своих симпатий к большевистской власти. Даже верные Корнилову текинцы отказались защищать Ставку. За несколько часов до своей гибели Духонин всё же отдал распоряжение, разрешавшее всем арестованным покинуть Быхов. Это распоряжение стало одной, если не главной, причиной зверской расправы с главнокомандующим.

Спустя несколько часов, переодевшись и частично изменив внешность, А.И. Деникин, А.С. Лукомский, С.Л. Марков и И.П. Романовский покинули город. Марков и Романовский отправились в Киев. Лукомский решил выбираться из Быхова через Могилёв, Оршу и Смоленск, а Деникин выехал из города с документами помощника начальника перевязочного отряда Польской дивизии Александра Домбровского.

Покинув Быхов ночью 20 ноября во главе 400 всадников Текинского полка, Корнилов переправился по мосту через Днепр и поспешил на юго-восток. «В полночь караул был выстроен, вышел генерал, простился с солдатами, поблагодарил своих "тюремщиков" за исправное несение службы, выдал в награду 2 тыс. рублей. Они ответили пожеланием счастливого пути и провожали его криками "ура!"» [3, с. 151]. Так что отъезд генералов не вызвал никаких протестов и возражений среди охранявших их солдат и офицеров.

Л.Г. Корнилову пришлось расстаться с текинцами в городе Погаре, расположенном на территории нынешней Брянской области. Дальнейшее продвижение крупной военной группы, преследуемой красными войсками и вызывавшей вражду у местного населения, становилось опасным и бессмысленным. Поэтому 1 декабря 1917 г. Корнилов с документами на имя беженца из Румынии Лариона Иванова в одежде киргиза в сопровождении трёх всадников выехал из Погара и уже 6 декабря оказался в Новочеркасске.

В дальнейшем Текинский полк был распущен. Лишь «десяток офицеров и взвод всадников с января сражались в рядах Добровольческой армии» [3, с. 155]. Семеро из них составили личный конвой Корнилова. Так что мечтам генерала вступить в

Новочеркасск на лихом коне во главе верного ему полка не суждено было сбыться. Даже любимая лошадь Фатима, на которой Корнилов гарцевал, ещё будучи главнокомандующим, была убита во время столь неудачно завершившегося в Погаре похода. Но впереди генерала ждал прославивший его «ледяной поход».

Список литературы

1. Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.: Воениздат, 1983. 256 с.
2. Гиппиус З. Петербургские дневники. 1914-1919. М.: Саксесс, 1991. 320 с.
3. Деникин А.И. Очерки русской смуты. В 5 тт., т.2. М.: Наука, 1991, 377 с.
4. Игнатъев А.А. 50 лет в строю. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1948. 728 с.
5. Иоффе Г.З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М.: Наука, 1995. 238 с.
6. Катков Г.М. Дело Корнилова. М.: Русский путь, 2002. 240 с.
7. Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. В 55 тт. Т. 34. М.: Издательство политической литературы, 1977. 586 с.
8. Мокрова М.В. Устная история науки: от историографических традиций к комплексному источниковедению. // Диссертация на соискание ученой степени кандидата истор. наук : 07.00.09 Москва, 2004 253 с. РГБ ОД, 61:04-7/1149.
9. Ушаков А.И. Федюк В.П. Корнилов. М.: Молодая гвардия, 2012. 399 с.
10. Хаджиев Р.Б. Великий Бояр. Белград, 1929. 150 с.
11. Шевцов Н.В. «От вашего собственного корреспондента». М.: Издатель А.С. Акчурин, 2002. 480 с.

Об авторе:

Никита Всеволодович Шевцов – к.и.н., профессор, заведующий кафедрой международной журналистики факультета Международной журналистики МГИМО МИД России. РФ, Москва 119454 пр. Вернадского, 76. E-mail: n_shevtsov@mail.ru.

“BYKHOV PERIOD” OF RUSSIAN GENERAL KORNILOV

N.V. Shevtsov
DOI 10.24833/2071-8160-2017-6-57-75-86

Moscow State Institute of International Relations (university) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

The end of August 1917 was marked by a dramatic event, which influenced a lot the future of the Russian state. It is the case of the so-called «Kornilov revolt» – undertaken by the Supreme Commander-in-Chief General L.G. Kornilov, who attempted to send troops to Petrograd in order to establish military order in the capital. Kornilov's action was unsuccessful. Together with his closest associate she was arrested and sent to a small Belarusian town of Old Bykhov, located near Mogilev, where the headquarters was located. The generals L.G. Kornilov, A.I. Denikin, A.S. Lukomsky, S.L. Markov and other prominent figures of the White movement were soon placed in a converted women's gymnasium in a prison. There they were about a month and a half, and then, shortly after the October events of 1918, they left it going to the Don. “The Kornilov revolt” has been devoted to a lot of books and scientific

articles, but very few have been written about the stay of military commanders were held in the prison of the Belarusian town. More details about him were written, perhaps, only by A.I. Denikin in the work «Essays of the Russian Troubles». The absence of numerous sources about the «Bykhov period» of Kornilov and his associates can be explained by three reasons. First, Kornilov and his associates were in isolation in Bykhov and could not communicate with their recent political military environment. Journalists also did not have access to them, so articles in the newspapers about what happened to the Bykhovites appeared quite infrequently. Secondly, Kornilov's stay in Bykhov turned out to be extremely short. Finally, those who could leave interesting memories, for example, the same Kornilov or Markov, died in less than a year on the fronts of the Civil War.

Having decided partly to fill the gap in the historiography of the "Bykhov period", the author visited the town of Bykhov, which is now located in the Mogilev region in Belarus, and tried to find evidence of the presence of participants in Kornilov's actions in August 1918. He visited the building of the former women's gymnasium, which now houses the Bykhov forestry. Then he saw the room in which Kornilov lived. Its layout has not changed much. In the same building, the forestry staff created a small museum exposition. Near the main entrance there is a memorial plaque informing about the stay of Kornilov in Bykhov. During the preparation of the article, author also held some conversations with the director of the historical museum of this city, as well as with L.A. Kornilov - Chapron du Lorre – grandson of the famous general, who lives now in Brussel. He told a lot of interesting things about the events which happened in late August 1917.

Key words: Kornilov revolt, GHQ, Supreme Commander-in-Chief, Old Bykhov, A.F. Kerensky, the Dnieper, the White movement, A.I. Denikin, Mogilev, Oral History.

References

1. Brusilov A.A. *Moi vospominaniia*. [My memories]. Moscow: Voenizdat, 1983. 256 p. (In Russian).
2. Gippius Z. *Peterburgskie dnevniki. 1914-1919*. [Saint-Petersburg diaries. 1914-1919]. Moscow: Saksess, 1991. 320 p. (In Russian).
3. Denikin A.I. *Ocherki russkoi smuty. In 5 vol. Vol.2*. [Essays of Russian distemper: in 5 vols. Vol. 2]. Moscow: Nauka, 1991, 377 p. (In Russian).
4. Ignat'ev A.A. *50 let v stroiu*. [50 years in the ranks]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1948. 728 p. (In Russian).
5. Ioffe G.Z. *Semnadtsati god: Lenin, Kerenskii, Kornilov*. [1917 year: Lenin, Kerenskij, Kornilov]. Moscow: Nauka, 1995. 238 p. (In Russian).
6. Katkov G.M. *Delo Kornilova*. [Kornilov's affair]. Moscow: Russkii put', 2002. 240 p. (In Russian).
7. Lenin V.I. *Poln. Sobr. Soch. In 55 vol. Vol. 34*. [Complete works: in 55 vols. Vol. 34]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1977. 586 p. (In Russian).
8. Mokrova M. V. *Ustnaia istoriia nauki: ot istoriograficheskikh traditsii k kompleksnomu istochnikovedeniiu* [Oral History of science: from the historiographical traditions to complex source study. PhD dissertation]. Moscow, 2004 253 p. RG-BOD, 61:04-7/1149 (In Russian).
9. Ushakov A.I. Fedjuk V.P. *Kornilov* [Kornilov]. Moscow: Molodaia gvardiia, 2012. 399 p. (In Russian).
10. Hadzhiev R.B. *Velikii Boiar* [Great Boyar]. Belgrad, 1929. 150 p. (In Russian).
11. Shevcov N.V. «*Ot vashego sobstvennogo korrespondenta*». [“From your own correspondent”]. Moscow: Izdatel' A.S. Akchurin, 2002. 480 p. (In Russian).

About the author:

Nikita V. Shevtsov – Head of the Department of international Journalism, PhD in Historical Science, Professor, MGIMO-University. Russian Federation, 119454 Moscow Vernadskogo pr. 76. E-mail: n_shevtsov@mail.ru.